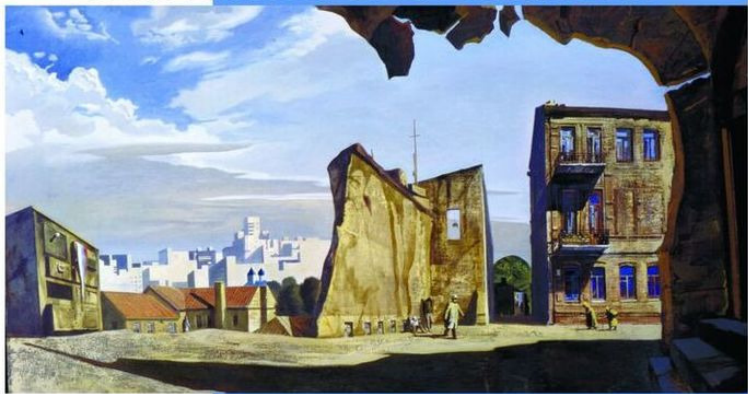

18+

Иосиф Гальперин

Паразитарные записки

Иосиф Гальперин

Паразитарные записки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618032

ISBN 9785449839862

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Трагические потрясения – и личные переживания, фрагменты политической истории нового века – и взгляд на всю историю человечества. Рассказы, эссе, драматургия, расследования и обобщения, стихи – и то, что за ними стоит. Ничего не придумано, все из опыта журналиста, писателя, поэта. Россия от Кавказа до Чукотки, Балканы, коридоры власти и пространство жизни. В оформлении обложки использована картина академика живописи Сергея Краснова «Печальная сценография». Дизайн Варвары Каюмовой.

Содержание

I		6
	Рыхлые стенки	6
	1	6
	2	15
	3	25
	Сон после Кодора	29
	Бронзовый век	36
	Уроки Besланской школы	38
	День знаний	38
	Начальная военная подготовка	42
	Охрана безопасности жизни	45
	Физкультура	53
	Бог	54
	Политическая этнография	57
	Технология террора	60
	Информатика	64
	Виагра власти	66
	Первый день в кабинете президента	68
	Конец ознакомительного фрагмента.	78

Паразитарные записки

Иосиф Гальперин

© Иосиф Гальперин, 2020

ISBN 978-5-4498-3986-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо дизайнеру вместо предисловия

Варя, не хотел бы тебя загружать, но ты справедливо раскритиковала обложку моей предыдущей книги, поэтому мне теперь кажется, что ты можешь сделать что-то хорошее с новой.

В нее вошли рассказы, эссе, драматургические опыты и журналистская конкретика, а объединяет всю эту разнородность моя репортерская привычка видеть детали, лежащие в мозаику того, что хочешь сказать. Ну, может быть еще – и лирический подход к письму, который я распространяю не только на стихи. Поэтому я даже назвал свой жанр «психофизическим репортажем». Хотя, конечно, репортаж перетекает часто в мировоззренческие или политические рассуждения, но, думаю, они тоже не заемные.

Примерно таким я бы хотел видеть и стиль обложки, но настаивать не буду, понимаю, какое это может вызвать

у художника сопротивление – ты же моя внучка.

I

Рыхлые стенки

1

Мне не было и сорока пяти, когда я впервые смирился с хаосом, с энтропией – внутри меня, с биологической неизбежностью, и снаружи – с социальной необратимостью. Всегда раньше, а в последние годы, после 90-го, – особенно, старался противостоять, чувствовал силы, подчиняющиеся принятым решениям и ведущие к выбранным целям. Жизнь мягко поддавалась. А тут наоборот – и личные границы оказались слабы перед напором, несмотря на сложность защитной структуры организма, и основы нового государства, которому я стремился помочь стать цивилизованным, поколебались, и общественная мораль, ради которой я начал борьбу с прошлыми рамками, начала выглядеть смешной.

Смутные предчувствия появились, когда узнал адрес кремлевской поликлиники, куда надлежало явиться на обязательную диспансеризацию. Третья Фрунзенская, где-то здесь был военкомат, выдавший мне приписное и отправивший потом в Уфу сведения о моей незащищенности, о том,

что я ушел с дневного журфака на заочный и меня можно ловить. Тогда-то, двадцать пять лет назад, мать категорически потребовала моего возвращения, хотя в Москве оставалась моя молодая жена, я уже начал печататься и немного зарабатывать. Но конечно, в столице справки о негодности к строевой службе в мирное время, что давало отсрочку до окончания МГУ, мне бы никто не сделал. А в Уфе я легко попал на обследование в неврологию, к знакомому врачу...

Вот и поликлиника, вот и обязательный теперь для меня обход кабинетов. Стал членом редколлегии главной газеты – будь добр «открыться партии» во всем. «Ваше здоровье – государственная ценность», а я лет семь у врачей не был. Анализы и прочее. Они-то и привели меня в кабинет с двумя крепкими старушками, кто из них врач, а кто медсестра, сразу не скажешь. Посмотрели бумаги и велели явиться завтра, очень ласково.

Я готов, как вы сказали, все сделал. И добрые старушки указали мне на гинекологическое кресло. Я думал, сейчас какой укол сделают, а то и вообще погрузят в анабиоз, сказал даже, что именно из анестезии приводит меня к отеку Квинки. А они, по-прежнему ласково, сказали: что вы, зачем анестезия?

Та-ак, примерно представляю. В армии, куда все же попал, довелось случайно ассистировать врачу, к которому мы привезли найденного нами в беспамятстве сержанта Мищенко, загулял он у девок в Балашейке – и отключился. А врач хо-

тел бы узнать, чего это он такого пил, чтобы понять, можно ли его спасти. И вот вводил ему в уретру зонд, а я придерживал место ввода. Мищенко мычал бессознательно, врач достал зондом, куда метил, желтое вместе с красным потекло в лоток, врач сказал: свободен! – я медленно сполз в обморок.

Здесь уйти не получится, жаль, что я в сознании. Раскинул ноги на подпорки, как женщины все эти пытки выносят? Старушки сноровисто шуруют у меня в паху, с какой-то истовостью, мне показалось. За женщин мстят? Или – нашелся тоже, новый номенклатурщик, а вот так не хочешь?! Интересно, сколько членов ЦК КПСС они перебрали? У членов Политбюро, поди, были другие условия. И другой обслуживающий врачебный персонал...

Да нет, какая месть, просто профессиональное равнодушие, именно с таким меня двадцать пять лет назад медики заставляли носить других, штатских старушек, поступающих в неврологию с инсультом, а через некоторое время выносить их тела в морг. А кого же еще припрягать к этой работе, как не военкоматского направленца?

Боль оказалась не главной. Ну подумаешь, несколько дней красил унитаз кровью. Главным был диагноз, точнее, нечто невнятное, но подозрительное, о чем мне сообщили. В общем, стенки мочевого пузыря какие-то рыхлые, не исключено новообразование. И что теперь? А теперь хорошо бы подождать развития и пока отдохнуть, возможно, организму

понадобятся силы на долгое лечение. Или на операцию...

Опять сказалась новая номенклатурность: отправили в дом отдыха на Пицунде. Перешел по наследству от старой главной газеты – «Правды». Правда, раньше и Пицунда была другой, и Абхазия. Слово это я узнал лет в пятнадцать, когда мать с отцом съездили в отпуск. На фото, где им меньше, чем мне в описываемое время, было написано: «Пицунда». Может, место, где они были счастливы, поможет мне?

«Рыхлые стенки» – я бормотал, глядя на развалины домиков, которые когда-то видел сияющими побелкой и полными ребятни. Мы были с Любой здесь лет через семь после родителей, всего несколько часов, смотрели на причал хрущевской дачи, пили «изабеллу», разглядывали мозаику никому не известного (в широкой публике) скульптора Церетели, мы-то у Алика Глезера в его подпольной галерее видели живопись Зураба...

Вот и сейчас, улизнув из пустого дома «Правды» (человек десять на все этажи), пытаюсь купить трехлитровую банку «изабеллы», чтобы не так страшно было, чтобы не так больно было видеть следы только закончившейся войны. Мы в «Правде», наверное, единственные отдыхающие, кто рискнет приехать: а вдруг мины?

Мин не встретил, зато мальчишка, сын винодела, лет двенадцати, а может – и пятнадцати, просто худой от пережитого голода, с гордостью говорит: «Мне кабардинец, когда уезжал, карабин подарил!» Именно про СКС (самозарядный ка-

рабин Симонова) говорил мой сосед по казарме Кавелашвили перед стрельбами: «У нас в горах карабин дорого стоит, тысячу долларов, охотиться с ним хорошо, бьет далеко, точно. Автомат дешевле – пятьсот». И тут же, вспомнив невезучего Кавелашвили, ухмыляюсь: на стрельбах он бил по моей мишени и вывел меня в отличники, а сам получил «баранку». Наверное, я по его мишени стрелял.

О личном владении боевым оружием рядовых кавказцев написал еще в доперестроечные годы Фазиль Искандер. Герой одного его рассказа берет пистолет и идет убивать представителя власти – милиционера. Тоже абхаза...

Основная ударная сила абхазской стороны в первое время – добровольцы со всего Кавказа, именно они сумели противостоять грузинским гвардейцам Китовани. Особенно отличился отряд чеченцев под командованием ставшего здесь легендарным героем Шамиля Басаева. Не все знали про футбол «гвардейскими» головами, в него ради устрашения противника басаевцы играли на военной базе в Эшерах под дулами и биноклями грузин. А те тоже прославились зверствами: загнали мирных жителей в коллекторную трубу под дорогой и сожгли...

Вот и рушатся мои наивные представления: я ведь помню и Шеварднадзе в августе 91-го у Белого дома, и чеченские флаги рядом с нашей баррикадой. А ведь было это все три с небольшим года назад. Какое уж тут единство ради свободы, какая уж победа над моралью конформизма и страха, над

моделью прятания под крыло и тоталитаризма!

...Разбудили громкие голоса. Окно моей огромной комнаты на втором этаже было по центру и выходило на козырек парадного входа. Высунулся. Перед входом стоял, раскинув руки, директор Дома творчества и радостно приветствовал степенных мужиков в папахах и разнообразных костюмах. Как я понял из приветствий – руководство Конфедерации народов Кавказа, приветствовал их директор-армянин на русском, языке межнационального общения. Наверно, был там и Шамиль Басаев, но в лицо я его не узнал, тогда он не примелькался, зато узнал некоторых других. Как выяснилось за завтраком, деятели прибыли отметить первую годовщину освобождения Сухума. Первый День победы...

С некоторых пор мне стало неудобно участвовать в чужих торжественных мероприятиях, тем более если не могу полностью разделить их пафос. Поэтому решил на весь день смотаться из «Правды». Смотрю, вслед за мной на пляж побежали две девицы: если мы возьмем водный велосипед, сможете нас прокатить? – говорят. А давайте!

Выяснилось, что ни к «Правде», ни к любой другой газете девушки отношения не имеют, просто у них в Сбербанке оказались свободными путевки по какому-то обмену, юные бухгалтерши и рискнули. Как и с незнакомым дядечкой: столкнули велосипед и запрыгнули на палубу.

Хорошо снова крутить педали, уже года четыре не чувствовал, на съемных квартирах хватает других приоритетов.

Водные педали по рефлексам похожи на сухопутные, когда идешь в гору. Лопасты входят в прозрачный монолит, немного пены – и мы плывем, разрезая невысокие завитки.

Я чувствовал себя двигателем колесного парохода, который в турбинную эпоху вдруг опять пригодился. Как я гонял в Уфе – многими километрами, до речной излучины у пляжа «Золотая рыбка». «Старт-шоссе» на песок, а сам – плашмя в быстрые струи неглубокой Дёмы! Только там было счастливое одиночество испытания и накопления сил, а здесь – способ отогнать непомогающие мысли...

– А можно, мы разденемся, надо бы загореть под купальником, а то скоро домой?

– Как хотите!

И вот эти нимфы, пока я жму педали, смеясь и взвизгивая бултыхаются в воду, сияя крепкими спортивными телами. Похожи на дейнековских спортсменов, только экономичный вариант с укороченными конечностями, такие же пышущие, но самодостаточные, а не соблазняющие, не требующие ничего. Да и я такой же: не до них, точнее – могу наблюдать, а вот агрессии, жажды присвоения нет, смотрю как на часть красивого мира, с которым, возможно, придется скоро прощаться. Буду ли я способен смотреть так же, без обиды и зависти, когда диагноз подтвердится?

Правда, плавки не сняли. И хорошо! Ладно я, мне сейчас не до них, но вот те орлы в прибрежных соснах, устроившиеся между корней на пикничок отмечать, пока их началь-

ство важные речи ведет, годовщину своей победы, явно хотят познакомиться поближе с такими приветливыми грудями и бедрами. Группок несколько. Свист, крики, руками машут. Надеюсь, береговой артиллерией не владеют, да и карабины оставили в надежном месте. Повезло девкам, что кавказцы редко умеют плавать. Видит око, да остальное неймет – метров сто расстояния.

Реликтовая пицундская сосна, так волнующе изображенная в фильме «Алые паруса», подступала к самому берегу на нашем мифологическом колхидском пути – вплоть до знаменитых двенадцатиэтажных пансионатов. Только вот людей, кроме тех кучек любителей эротического у «Правды», не было видно. Совсем.

Колхида, «Арго», Язон – о них я не думал, бродя голяком по щербенистой гальке пицундского пляжа. Мокрые плавки висят на плече, я теперь не должен простужаться, особенно в определенных областях. Никто этого не видит, девки бродят где-то в стороне, а кроме них на некогда битковом курорте нет никого, только некоторые окна двенадцатиэтажек отсвечивают, забитые фанерой. Зато я увидел Медею, недолгую Язонову жену, к ней и шел – когда-то мы с Любой с дрожью рассматривали эту грозную женскую фигуру работы скульптора Бердзенишвили. Не пострадала.

Колхидская царевна, изменившая отцу и своему народу, страстная любовь к мужу – и убийство общих с ним детей, когда вскрылась его измена. Очень подходящий символ со-

временной этновойны, когда рядом живущие народы переплетены не только ревностью интересов, но и семейной любовью. Недаром, как я потом я узнаю, у многих организаторов абхазской независимости жены-грузинки.

А пока иду, вернувшись с «велосипедной прогулки», по пыльной жаре мимо кладбища вдоль забора бывшего Дома творчества кинематографистов, построенного грузинским киносюзом. Так что в огне войны уцелела не только бронзовая Медея, но и эти подзаборные розы. О них написал тогда же.

Мир остановлен в Пицунде, в шестидесяти метрах
от моря,
там, где могилы столпились, не доходя до открытых
корней
сосен, убитых прибоем. А дальше в заборе,
в сетке железной, в оградке чугунной сквозит уже
царство теней.
Смерть не на кладбище, там лишь остаток её – имён
разночтенье,
смерть – в ожиданье болезни под солнцем на хвойном
песке,
в щебете пули, в оглохшей гранате, в пустынной дороге,
в расстрелянной стенке,
в сломанной жизни, сочащейся кровью на розовом,
вновь одичавшем цветке.
...Поздно приехал – уже схоронили убитых.

Рано приехал – у победителей все еще радостный вид.
Мир не оплакать, пока не подсчитан убыток.
Абхазо-грузинские розы домой увезу, пока не убит.

2

Мне уже исполнилось сорок пять, когда я вновь утратил смирение перед течением времени. А заодно потерял маму, работу, привилегии, неверие в лучшее и страх смертельной болезни.

Если по этапам, то сначала о работе, куда я вернулся из кавказского отпуска. Ничего удивительного нет в том, что через два месяца мой уход из «Российской газеты» оказался связан с полыхающим Кавказом: надо было определяться по отношению к большим драмам, никак не совпадающим с моими установками, которые привели меня в правительственную газету сразу после октябрьских событий 93-го. Я достаточно подробно описал это в очерке «Незаконная Чечня», неоднократно опубликованном.

Напомню главное: материалы, которые писала моя сотрудница Наташа Козлова, а я почти год визировал и напрасно пытался поставить в номер, вдруг стали повторяться в изысканиях «фронтовых» корреспондентов. Они искали повод для войны и обязаны были оправдать использование войск против своих же граждан, бомбардировки Грозного и фильтрационные лагеря. В материалах рассказывалось о бесчин-

ствах бандитов-националистов над мирным населением, чаще всего – русским. (Вот еще почему я с двойственным чувством смотрел на горских деятелей, собравшихся праздновать свою победу над грузинами). Но если бы эти факты, раскопанные Козловой, ранее поведала главная газета страны, то может быть и без танков удалось каким-то образом приструнить Дудаева. Думаю, это не входило в планы вояк, им нужно было не приструнить Дудаева, а уничтожить конкурента, не спасти мирных жителей Грозного, а убрать, чтоб не мешали.

Началась война в декабре 94-го, моя оплошность сделала ее начало нелегитимным. Я был дежурным редактором субботающего номера, указ Ельцина в полном виде пришел поздно, мы с подписывающим номер замом главного редактора Леонидом Петровичем Кравченко оставили в номере сам текст указа, пришедший ранее, без официального оформления. В указе было смутно написано казенными фразами: правительству принять меры. А в выходные, как всегда делались важные дела, могущие вызвать нежелательный резонанс, танковые колонны вошли в Чечню. Других мер и не планировали. Но применение сил Минобороны по закону возможно только с санкции президента, которая должна по закону быть выражена в правительственной печати его указом. А у нас вышел лишь его тассовский пересказ.

В понедельник главному редактору Полежаевой звонили из Белого дома, то ли вице-премьер Шахрай, то ли отве-

чавший за связь с прессой Игорь Шабдурасулов, говорили о том, что ввод войск утратил формальную легитимность. Мне за эту оплошность, вполне оправданную сроками тогдашней типографии, ничего не было. Но я выступил на общем собрании журналистов редакции (не по этому случаю, а по итогам года) и заявил, что не могу отвечать за то пропагандистское вранье и спекуляции, которыми теперь, когда Россия ведет войну на собственной территории, будет, судя по всему, полна газета. А ведь на последней странице стоит моя фамилия в качестве члена редколлегии, иногда – и ведущего редактора. Поэтому я прошу уволить меня по собственному желанию.

Я говорил, что чувствовал, но не все, что чувствовал, я говорил. Желание уйти появилось у меня раньше. Дело было не только в редакционной атмосфере или конкретнее – в атмосфере руководящего круга, где витала идея личной преданности Главному (главной! – Наташе Полежаевой, которая и решила, смутно помня меня еще по журфаку, включить меня в него с подачи моего друга и начальника). Пьяные клятвы, ритуальные поцелуи... Понятно, что в чужом большом коллективе, который на уровне руководства складывался без моего мнения, не может быть все так, как бы мне хотелось, надо терпеть, если хочешь влиять и приносить пользу общему делу. Самое важное, я чувствовал неудобство, стеснение в том, что опять, как в советское время (и это после четырех лет в свободной печати), приходилось выражать не свое,

а официальное мнение, пусть и людей, которых я поддерживал. Против других, которые были явно хуже...

Став начальником над двадцатью с гаком журналистами, писавшими на социально-экономические темы, на первом же сборе моих отделов я заявил о своих приоритетах. Вы, ребята, пару лет служили пропаганде идиотов и истериков, вина ваша в этом есть. Теперь Хасбулатову и Руцкому не надо славословить, славословия в адрес мудрой политики Ельцина я от вас требовать не буду. Ваши убеждения, их изменение или неизменность меня интересуют в последнюю очередь. Пишите о том, что видите, старайтесь увидеть полнее – и никто не будет вспоминать о вашем прошлом.

– А Володя Кучеренко носит черный галстук со свастикой, – это мне говорила одна из сотрудниц. Я пошел, посмотрел, висит над столом. А ей отвечал: – Ну и что? Он пишет нормальные интервью и отчеты с заседаний правительства, может, у него шутка такая. – Нет, не шутка, он фашистик, – говорила она. И вскоре ушла из газеты, предварительно, в порядке мести непонятно кому, уничтожив членские билеты Союза журналистов всех сотрудников редакции. Ранее, при хасбулатовцах (опять чеченцы!), она ничего не имела против Вовы. Ныне, впрочем, он известен именно второй своей национал-социалистической стороной. Правда, под именем писателя-публициста Максима Калашникова...

Ну и как я должен был смотреть в глаза тех сотрудников,

которых ранее попрекал службой пропагандистскому вра-
нью?

Был еще один, совсем конкретный случай, подтолкнув-
ший меня к уходу. И тоже ложившийся в русло нечистой
службы. И оказался он впоследствии связан, совершенно уж
литературным образом, с Кавказом, с Абхазией. Когда-то он
прогремел, вошел в интернет-анналы, но тогда его быстро
заслонила Первая чеченская.

...Рассматриваю в секретариате гранки, пытаюсь пропих-
нуть в номер материалы моих корреспондентов, вижу на по-
литической полосе заметку со странным названием «Пада-
ет снег». Подписи нет. Да и содержание мутное: невнят-
ные обвинения в адрес группы «Мост» Гусинского, кото-
рая будто бы поддерживает кандидатуру Лужкова, двигая его
против Ельцина. Странная политическая борьба, я, кажет-
ся, не сторонник банкиров и мэров, но газета-то государ-
ственная, политическая деятельность, пусть и оппозицион-
ная, не является для нее криминалом. Надо поговорить с Во-
лодей.

Конечно, я пошел к замглавного Кузьмищеву, он же был
непосредственным начальником, курировал мой отдел. Мы
неоднократно менялись ступеньками в иерархии разных ре-
дакций, в эту именно за ним я и пошел, когда он сказал,
что его студенческая подруга Наташа Полежаева ищет про-
ельцинские кадры. (Сейчас, когда пишу, смотрю на его лицо
справа от компьютера, на стенке, где у меня собраны фото-

графии ушедших близких людей).

– Володя, что это? По уровню доказательности – «желтый» донос, даже на «слив» не тянет, ни одного железно порочащего факта. Кто это Полежаевой подсунул?

– Говорит, она даже отбивалась. Помнишь, недавно коржаковские архаровцы положили в снег лицом охранников Гусинского, те как бы не имели права с мигалками ездить по правительственной трассе. Шум был, пресса операцию назвала «Мордой в снег», видимо, с подачи «юмориста» из президентской охраны. Думаю, у нас – это второй акт, потому и снег в заголовке.

– Но ясно же, что такие материалы в официальную газету не ставят, пусть бы играли Коржаков и Березовский против Лужкова и Гусинского на какой-нибудь другой площадке.

– Из Белого дома звонили очень настоятельно.

– А текст оттуда же? Неприлично нежурналистский, гэбней несет. Выясняют, кто из «топтунов» главный, напирают, что не положено Гусинскому охраны, а вот еще у него бывшие чекисты служат. Ненависть к «шпаку», которого бывшие сослуживцы обслуживают. Они же все про нынешних банкиров знают – по старым оперативным данным, кто был кто: каталы, аферисты мелкие, а кто вообще в столе сидел, подглядывал карты, пока другие шулера клиентов чистили.

– М-да, материал непристойный. Вроде бы некий Отари Аршба его двигает. Полковничек, нам не отвертется...

Вот так впервые втриэлитные распри, столкновение ни-

куда не уходящих деятелей, попали в госгазету. Помню, до этого в «Общей», где я был заместителем Егора Яковлева, Глеб Павловский пропихивал заметку о заговоре против Ельцина, основанную на поспешно сляпанной анонимке. Подслеповатые листки с конспектом «переворота» вылезли из факса с неясным обратным адресом. Я тогда Егору Владимировичу сказал о подозрительном запахе фальшивки, он тоже не шибко верил, но для привлечения внимания к газете был готов ее опубликовать. Но «Общая» -то не имела решающего статуса, так что вред от публикации оказался минимальным, тем более что завозражали упомянутые в заметке.

Шум был немалый, на нем все и кончилось, а здесь озвученная распря привела в развалу относительно демократической коалиции наверху. Думаю, свара была необходима, чтобы увеличить зависимость Ельцина от силовиков, чтобы втянуть его в Чечню. А если шире – развернуть рыхлую, неустойчивую российскую демократию обратно, в сторону авторитаризма, прямой полицейщины. Только начали отходить от столкновения больших политических сил в 93-м – и тут уже чисто подковерные игры пошли. Стенки, опоры системы стали выяснять, кто из них важнее, внутривидовая борьба. В результате все тогдашние персонажи этой свары были рано или поздно отодвинуты от властных рычагов, выиграли, как видим теперь, одни гэбисты.

А мне запомнилось имя: Отари Аршба. Не знал тогда, что он не просто из Абхазии, а и накрепко связан со многими

перипетиями и персонажами истории, за которой мне предстояло наблюдать еще лет двадцать.

Но дело было не в нем, а в неприятной атмосфере в газете и вокруг. И я ушел – в никуда. Больше в госпечати не работал. Заодно, как мне казалось, потерял не только «кремлевку», но и надежду на получение положенной квартиры в Москве, где много лет прожил на съемных. Зато прояснилось: вне зависимости от того, сколько тебе дней осталось, жить-то приходится в каких-то стенах. И лучше – в тех, которые тебя на этот момент устраивают. По крайней мере, вне тех, чью фальшь, предательскую ненадежность чувствуешь. А уж если ты обостренно считаешь дни, если энтропия ощущается со всех сторон, изнутри и снаружи – тем более предъявляй максимальные требования. Одни выживают изо всех сил, другие – из ума...

Конечно, трудно было и мне, и семье. Но самое трудное было – глядеть в глаза матери. Мы уехали от больных родителей, еще в прошлом году отец радовался, что не зря, что я при большом деле. И вот скоро наступает 95-й, отец умер, а я и помочь не могу матери, не возвращаться же в Уфу, тем более, что я успел опубликовать в «Российской» материал против руководителя Башкирии...

Я поехал, скоро мой день рождения, так что на пару дней. Ничего маме объяснять не стал, говорили о другом, но не о моей возможной болезни, имени которой она всю свою жизнь боялась, вспоминая умиравшую в эвакуации

на ее руках мою бабушку, неувидевшую меня. Да и я отодвинул печальные гипотезы в сторону, принятое решение сделало меня каким-то бесшабашным.

Мама устанавливала памятник отцу, по его завещанию – рядом с бабушкой, его матерью, хотя очень по этому поводу переживала: для нее самой места рядом не оставалось. Я пытался отвести разговор в сторону, мол, не спеши, ты нам нужна на этом свете. Она подняла глаза, посмотрела как на несмышленища и спокойно сказала: «Зачем мне теперь жить? Вот к весне памятник поставлю...» Стоит пояснить, что она всегда была атеисткой и в загробную жизнь не верила.

Они всю жизнь громко выясняли отношения, даже накануне того дня, когда его с последним инфарктом выносили из квартиры на стуле, чтобы везти в реанимацию. Мама была бурной женщиной, еврейское наследство, может, и не при чем. Просто они любили друг друга, а жизнь была тяжелая и больная. Хотя вот так о любви, веско и непреклонно, она сказала мне в первый и последний раз. Наверное, та Пицунда – последнее место, где они были безоблачно счастливы.

Через месяц прилетел снова, прощаться. Да, в Москве сразу нашел работу, отец бы гордился – в самом главном перестроечном журнале, правда, он уже светил не так ярко...

Через годы написал:

* * *

Во имя отца и сына,
отцова святого духа,
мама, скажи, – отныне
всё будет глупо и глухо?

Утюжит тоска пейзажи
катками дождя и дыма,
мешая перед продажей
виды Пекина и Рима.

Теперь, когда падает тонус,
задушенный холестерином,
и всё, до чего дотронусь,
снова простая глина,
и неприменима воля,
и не тревожит сила,
мама, напрасно, что ли,
отец тебя видел красивой?

Я помню, ты жить не хотела
и после отца умирала.
Мама, ответь мне, тело —
это пустая рана?

И мама мне отвечает,
не зная вех и событий:
«Один – это знак печали.
Покуда живы – любите».

Мне нет еще и семидесяти, а я уже самый известный русский писатель по южную сторону Кресненского дефи́ле. Ну и что, что другие коллеги, живущие, как и я, в Болгарской Македонии, мне неизвестны. Пока что ни одна из книг, написанных мною в этих краях, не принесла заметных невооруженным глазом денег. Зато не пропали два главных удовольствия: наблюдать и понимать, добавилось третье: вспоминать и передумывать. Видимо, поэтому, а не по источнику финансов, я стал считать себя писателем.

...Год, наверное, 2005-й. Еду, накрытый с головой милицейской шинелью, еду на заднем сидении милицейской «Волги», сверху шинели для завершения образа – милицейская фуражка. Впереди два абхазских офицера милиции, везут меня через границу как бы тайно – по шпалам и рельсам железнодорожного моста через пограничную реку. Везут мимо официального пограничного перехода, который с российской стороны открывается сразу за базаром в Адлере, где на глухом заборе, почти у кромки галечного пляжа, висит стрелка: «Республика Абхазия». Будто и не республика дальше какая, а вещевой рынок.

Тайно выезжаю, потому что в Абхазии скоро выборы, а Москва (точнее, те, кто в Москве получают зарплату за хлопоты с этой непризнанной республикой) в очередной раз пе-

рекрыла границу – и не только для мандаринов. Такое гибридное влияние на исход выборов, где прежде бессменному президенту Ардзинбе противостоит сильная оппозиция. Не то, чтобы она была против российского влияния – это смешно! – но конкретные московские чиновники против нее.

Вот и отправил меня с надежными людьми в Сочи самый неприемлемый для чиновников кандидат, бывший министр внутренних дел Александр Анкваб. Мне же надо материал в номер сдавать, лететь в Москву. Еду и думаю, что обязательно надо написать, как на съезде партии ветеранов войны за независимость Анкваб, ранее надолго запрещенный в республике, появился сразу после приезда из российского изгнания. Вышел на трибуну – весь немаленький зал – овация. Анкваб посмотрел своими не отошедшими от изгнания глазами в зал и поверх него, помолчал и сказал: «Не стоит все свои надежды отдавать политикам, политики не стоят этого».

Ни до, ни после этого я не встречал подобного кандидата. А в Адлере, откуда вылетать, меня встретил российский милиционер, соратник Анкваба. Видимо, они примерно таким же образом перевозили оружие и медикаменты в годы войны, когда Россия тоже объявляла блокаду, думаю, еще менее реальную, чем в моем случае. Но вот этого я не осуждаю – потому что видел только что, пока не был закрыт шинелью, сгоревшую (больше десяти лет с войны) Гагру. В ней,

лет двадцать пять назад, в год московской (еще не Сочинской) Олимпиады, я отдыхал со старшей дочкой.

Жили в Старой Гагре, за мостом, перед въездом в туннель, в частном секторе. В парадную курортную Гагру ходили, как на экскурсию. Золотые рыбки в фонтанах, павлины на дорожках – ребенку с сурового Урала от этого становилось еще теплее. Теперь именно та парадная Гагра и зияет дырявыми стенами. Лиза должна была идти в первый класс, мы добрались до Адлера, но рейсы задерживались, маленький аэровокзал был забит, мы ночевали, свернувшись у постамента памятника Ленину на привокзальной площади, дочка устроилась на мне, а я смотрел на звезды. Теперь, в 2005-м, уже ее дочке больше на год, чем было Лизе тогда. А я смотрю из окна шикарной «Жемчужины», куда меня перед утренним вылетом бесплатно поселил сочинский соратник Анкваба.

За окном тьма высокого этажа, границы не видно. За ней не видно растрескавшегося асфальта дорог – почему-то вдоль, как змеиные следы землетрясения, коров, нехотя преодолевающих трещины прямо перед капотом, а дальше домики, щербатые от пуль. В Сухуме (так уже привык писать вместо грузинского Сухими) на набережной, рядом с завешенными развалинами главной гостиницы «Абхазия», уличный очаг с джезвами, медленно вскипающими в песке, в терпеливом ожидании кофе старики играют в шахматы, место не утратило довоенного назначения и названия «Брехалов-

ка»...

Абхазия с юности – земля Фазиля Искандера, по его книгам можно многое увидеть и многое понять. Но не все. Чем жители интернационально-столичного «Мухуса» отличались от деревенских – можно, почему от «эндурцев» все взрослое окружение мальчика Чика ждало только плохого – тоже. Но как дальше, после войны, жить рядом абхазам и мингрелам (тем самым «эндурцам»), составляющим треть населения республики, неясно. Вот и идут споры: доверять ли им, грузинским последышам?..

Годами говорили об этом, о том, что нужно поднимать производство, Анкваб, когда через пару выборов все же стал президентом, обещал «поднять молодежь с корточек» – совсем одичало подрастающее в безработице поколение, приבלатнилось. Я приезжал еще несколько раз, останавливался у того же старого Вардена (руководившего во время войны медицинской армейской службой и подвозившего из Адлера в своих санитарных «газелях» боеприпасы) и его энергичной жены Марины. Развалины зарастали, ожидая разрешения продавать недвижимость россиянам, и торчали гнилыми зубами в центре Сухума. Победители – скорее, те, кто сумел извлечь личную выгоду из «битвы народов» – делили санатории и научные учреждения, оставшиеся от СССР. В один из приездов допустили меня на самую тогда (до войны 2008-го года) горячую точку – линию соприкосновения с грузинскими войсками в Кодорском ущелье.

Оно занимает треть территории страны, но напряженный ожиданием диверсантов таксист вез меня по пустынным джунглям, бывшие села заросли местным бурьяном, на все ущелье осталось не больше нескольких сот жителей. Тех, кто не мог уехать к родственникам в более благополучные места. А мы с таксистом доехали до заставы «миротворцев», среди них заметны были те, кто служил еще в Советской армии. Так что – отступление от сюжета, стихотворение, которое я вскоре написал об этом.

Сон после Кодора

Я умер на зелёном склоне
у перекрёстка трёх дорог,
когда попробовал с ладони,
но не почувствовал глоток.
И принимая в грудь осколок
увидел в свой последний час
волну маисовых метёлок —
там кто-то уходил от нас.
Я поднимался над ущельем,
над кукурузным пятачком,
над водопадом, над прицельным
и беспорядочным огнём,
и над своим застывшим взглядом.
Лежало тело у тропы,

я был над ним. Пока что рядом,
но отделён, как от толпы.

Я полетел сквозь чёрный воздух,
забыв умение дышать
и тактику атаки взводом,
как на войне – парадный шаг.

Родные тени возникали,
из света в свет переходя,
меня встречая без печали
залогом инобытия.

И вот уже у тёмной двери,
врасплох сияющей каймой,
на грани света и потери
последней ниточки земной
меня окликнула неслышно
чужая золотая тень:

«Эй, лейтенант, куда летишь ты!

Не время, не пришёл твой день.

Постой. Послушай, возвращайся.

Ну я прошу – тут дело есть:
что я не без вести пропащий,
до дома донеси ты весть.

Ты отпусти меня в могилу,
тебе поверят – я умру.

Как надоел мне долг постылый
маячить мрачно на юру!

Я присягал другому флагу,
другому гимну и гербу,
и я несу свою присягу
как погорелец на горбу!»

Он замолчал, а я очнулся
у перекрёстка трёх дорог.

В груди осколок шевельнулся,
но сердце поразить не смог.

Пустое широкое ущелье, созданное природой для садов и полей в этой гористой стране, небритые «миротворцы» напротив таких же суровых мужиков, говорящих на тех же языках. Безумная логика войны. И я подумал, что будет, если начнется сейчас пальба. Моего друга, репортера на Первой чеченской, положили на землю и стали из-за него стрелять, как из-за бруствера. Пока не стреляют, в словесной артподготовке ты нужен начальнику как пропагандистский бруствер, а в горячке боя ты, безоружный, поработаешь прямым заслоном...

Вернулся из Кодора, и президент Анкваб вручил мне медаль с профилем Фазиля (а он еще живой был) – в благодарность за писания. И только потом у меня в голове шелкнул пазл: медаль же на деньги Отари Аршбы нацбанк выпустил, не из нищего бюджета же! Ну конечно, он же проспонсировал издание полного собрания сочинений Искандера, Аршбу упоминал Анкваб, когда напрасно надеялся на приток инвестиций из России.

Показалось странным: Отари Ионович, многолетний винтик системы подавления – вдруг издает текст, где четко и недвусмысленно прописываются отношения Удавов и Кроликов. А потом я подумал, что для Аршбы это разделение – ложная дилемма, «Удавы и Кролики» его взглядом – это не разоблачение и не сатира. Он именно таким и видит строение государства, признавая его разумным. Его не волнуют свобода и справедливость, его беспокоит только соблюдение иерархии.

Это сейчас, если Википедия не устарела, Отари Аршба – акционер металлургической группы Евраз, мультимиллионер. А тогда, в 94-м, движимый им текст «Падает снег» просто надрывался от ненависти к «богатенькому» Гусинскому. Теперь понятна разница между двумя миллионерами: Аршба – поставленный, Гусинский – допущенный, ему разрешили поучаствовать в приватизации и капитализировать дружбу с некими чиновниками. Свою же долю в Евразе бывший полковник КГБ получил не за экономические или менеджерские умения, а за то, что забалтывал («разруливал») социальные конфликты на предприятиях в Кузбассе и Екатеринбурге.

Умение (если не предъявлять серьезных требований) работать языком у него осталось от службы в идеологическом управлении КГБ. О том, что некоторые «демократы» были сексотами, писал со знанием дела. До апреля 94-го был действующим офицером уже ФСБ. Очевидно, как и Филипп

Бобков, глава Пятого управления, разоблачал «диссидентов». Отсюда обида на Филипп Денисыча в том старом материале, мол, вместе работали, а вы на жалкие десятки тысяч долларов пошли создавать службу безопасности Гусинскому.

По всему получается, что Аршба служил пружиной всех (или большинства) переделов абхазской власти, такое у него было задание: «разруливать» трудную территорию. Это уже в нашем веке Анкваб с надеждой говорил про его деньги, но ведь до того Аршба был советником первого абхазского президента Ардзинбы, потом, очевидно, помог утвердиться следующему – Багапшу, пристроив пугавшего Кремль Анкваба вице-президентом, а затем, уже после смерти Багапша и выхода вперед Анкваба, сумел через несколько лет уговорить того мирно расстаться с властью, когда срежиссированная толпа вышла на площадь – и у власти оказался бывший полковник КГБ Хаджимба. Анкваб, уходя, сказал, что не может приказать охране стрелять в соотечественников...

Ардзинба был одним из основателей депутатской группы «Союз», ставшей в 91-м году детонатором распада СССР: ее члены потребовали равных конституционных прав для союзных и автономных республик, чего союзные терпеть не захотели. Аршба был советником Ардзинбы, явно же, что эта позиция не могла пройти мимо него. Думаю, и через несколько лет, когда объявившей о независимости Абхазии понадобилась неафишируемая помощь со стороны России, скованной

посредническими усилиями с Грузией, Отари Аршба должен был поучаствовать в создании Конфедерации народов Кавказа. А она потом помогала претензиям Басаева создать «Кавказский халифат».

Как же так: обе организации – и «Союз», и КНК – были созданы для укрепления большого государства, а работать стали на его разрушение? Очевидно, в этом судьба, роль провокатора – проводить в действительность затаившихся в подсознании реальных демонов. Обнажаются, осовремениваются дремавшие проблемы («эндурцы»!), поэтому, если уж дом горит (общий), надо что-то свое из него вынести. Сознательны ли действия спецслужб? Совсем не обязательно, просто сказывается их ограниченность, точнее – ограниченность их сотрудников. Оперативное, реактивное мышление КГБ.

Отыскалось еще одно не просто значимое, а просто смешное совпадение. Отари Ионович «консультировал» совместно с Ашотом Егиазаряном (Википедия) затеявшего расследование против Ельцина пресловутого Генпрокурора Юрия Скуратова. А ведь именно на Егиазаряна была оформлена квартира напротив Большого Каменного моста, напичканная спецоборудованием, позволявшим не только вести, но и мгновенно передавать видеозапись на Лубянку (директор ФСБ – Путин). Вспомним, чем это закончилось: «Юрочка,» – называл себя одурманенный Скуратов подосланной провокаторами проститутке... А высоконравственный Отари Аршба уже в наше время стал в Госдуме председате-

лем парламентской комиссии по этике и отклонил претензии к депутату, который прославился приставаниями к журналисткам и думским служащим женского пола.

Думаю, такие амбивалентные люди вскрывают рыхлые границы человечности. Раньше считал, как и многие, что ненависть разрушает того, кто ее испытывает. А сейчас, глядя на животную жизнь отечественной политики, думаю, что ненависть – чувство конструктивное. Помогает держаться, отстраняясь. Главное, не переусердствовать, чтобы ненависть не свела жизнь к примитиву, а то ведь есть примеры в «смежных областях». Допустим, явная уже паранойя этноконфликта: отношения к политикам формировали для абхазской публики просто – говорили, что у Анкваба, Багапша, Аршбы жены-грузинки.

Рыхлые стенки памяти. Попробую повернуться от болезненных тем к теме болезни, это же – стариковский круг интересов. Лет десять тому назад посетил несколько заседаний литературного кружка в московском ЦДЛ. Его участники читали друг другу написанные ими тексты, в основном – драмы из своей полу-уже- клинической жизни. Что это – единственные свежие яркие впечатления, поиски контакта с ускользающим миром, сочувствия, читательского сопереживания?

Но мать была не такая! После смерти отца перестала говорить о своих болезнях. А я прожил уже больше, чем пришлось на долю отца и матери. Анализы делать забыл. Через

много лет, кстати, в какой-то больнице мне делали то же обследование. И очень удивились, когда узнали, что в поликлинике Четвертого управления Минздрава не дали наркоза. А что, можно было и без боли? Наверно, сказались живодерские установки советских монопольных манипуляторов.

Так что давайте не об этом. Лучше о том, что со времен аргонатов, Медеи и Золотого руна человечество все пытается очеловечиться, повторяя одни и те же нравственные шаги. Не мне нас судить! Когда-то, сразу после Пицунды, я написал об этом, используя те реалии:

Бронзовый век

Я шёл за лучом, но двигались тучи —
и глаз ускользал от оси мировой
по глади морской и по иве плакучей,
по женской груди и тоске моровой.

Небесные страсти, воздушные схватки

вертели лучом, а значит, и мной,
как будто вела от гнезда куропатка,
как будто охотник – путник земной.

Не бойся, я сам этой жаждой растерян —
сказать наперёд о судьбе за углом,
ведь я не пророк, я Иосиф Гальперин,
следящий бумагу чернильным лучом.

Следы раскрывают вчерашние тайны.
Писание в стол – положение в гроб.
Но скажет пророк – и горит обещанье
настигнуть гнездо змеящихся троп.

А я послежу за скольжением мира
по лезвию Бога, по тетиве,
куда на закатные чёрные дыры
нацелился лучник – Бронзовый Век.

18 сентября 2019 г.

Уроки Бесланской школы

В Осетии не принято прощаться. Здравуются за руку, но, уходя, руки нежимают – считают дурной приметой, боятся снова не свидеться. В сентябре 2004 года в Беслане прощания были в каждом дворе...

Я писал эти заметки через несколько дней после трагедии. Потом через несколько недель. Потом через год. Теперь собрал и попытаюсь выстроить из них те школьные дни.

День знаний

Школа №1 в тридцатитысячном Беслане была привилегированной. На открытие учебного года в нее стекались не только ученики с родителями, но и бывшие выпускники, и официальные лица.

Все в городе знали, что в первой школе торжественная линейка обычно начинается в десять утра. Но 1 сентября 2004 года сбор объявили к девяти, а в начале десятого классы уже были построены.

Преподаватель истории Татьяна Дулаева, живущая рядом со школой, вышла из дома около половины десятого. Не дойдя до забора, увидела: из машины рассыпается цепь вооруженных людей в масках и камуфляже. Подумала, что прислали ОМОН для охраны. Пригляделась – много бородатых,

один с длинными волосами – ОМОН так не ходит – и развернулась. (Это ее и спасло. Девятнадцать ее коллег погибли.)

Восьмидесятилетний ветеран с орденскими планками – Сталинград прошел, – Заурбек Гутиев спешил к десяти часам, чтобы выступить на линейке. Услышал выстрелы, заорчал: «Взяли моду на салюты!» – и вошел на школьный двор. (Через два дня сам выпрыгнул в окно после взрыва).

Школа была построена более ста лет назад рядом с железной дорогой, основное здание обросло пристройками. Напротив школы, за железнодорожными путями, и остановился крытый грузовик, из которого высадились непонятные военные. Грузовик потом проехал дальше, на переезд, развернулся и встал около главного входа. Некоторые свидетели говорили о нескольких машинах, да и сложно представить себе, что в одной могли уместиться и все захватчики, и куча оружия с неограниченным боезапасом...

В День знаний во дворе собралось около двух тысяч человек, кроме учеников и учителей – еще и малыши из трех кирпичных жилых домов, расположенных рядом. Девяносто один первоклассник собрался на линейку в том урожайном году, хотя ожидали семьдесят пять. Старшие классы стояли подальше, младшие – поближе к центру площадки. Поэтому большинство старших смогли убежать, когда боевики выстрелами стали загонять всех в здание школы. Некоторые, уже войдя, пытались убежать через другие выходы, но их всюду встречали боевики. Чтобы люди быстрее заходи-

ли, нападавшие дали очередь по стеклам первого этажа и заставили лезть в окна. Сигнали в спортзал около полутора тысяч человек.

И жители Беслана, и телезрители были в ярости, когда с экранов им ввали, что в заложники взяты 354 человека. Все понимали, что на торжественную линейку в среднюю городскую школу меньше полутора тысяч никогда не приходит. Люди подумали, что им врут, чтобы потом после штурма скрыть число пострадавших.

На самом же деле чиновники из центра отправили местных чиновников по домам – спрашивать, кто пошел в школу. Но многие пошли семьями, и спрашивать оказалось не у кого. Созданный оперативный штаб велел без утайки озвучить полученные данные. Тупость одних, помноженная на равнодушие других, и дала эту гигантскую ложь...

У входа на школьный двор стоял милиционер. Увидев боевиков, он в состоянии аффекта нажимал на курок пистолета, пока не кончилась обойма. Переднего убил, остальные открыли ответный огонь. Убитого боевика втащили в здание, где он и пролежал два дня, почернел и стал похож на негра. Это и позволило официальным лицам говорить о международном терроризме.

Милиционер же, расстреляв обойму, побежал за оружием и подмогой в родное отделение, расположенное примерно в ста пятидесяти метрах от школы. Оружейная комната оказалась запертой, ключ унес отлучившийся дежурный.

Один из старшекласников в это же время добежал до райотдела. Там ему никто не поверил.

Через полчаса уже нельзя было атаковать без риска для жизни заложников. Террористы собрали взрывную цепь, заранее подготовленную и проверенную, и развесили ее по периметру спортзала. А через полтора часа, пользуясь рабочей силой заложников, боевики превратили школу в неприступную крепость: заставили окна, снайперы и пулеметчики заняли гнезда. Их разведчики очень хорошо изучили школу – ориентировались моментально.

А теперь о самом главном знании про этот день, которого мы, по-видимому, не получим.

Под выборы чеченского президента на всем Северном Кавказе объявили режим усиления, на границу Северной Осетии с Ингушетией нагнали милицейских машин с номерами разных регионов. Режим должны были отменить примерно 5 сентября. Около Беслана, стоящего прямо на административной границе, его без объяснений сняли 31 августа.

Заведя семнадцать уголовных дел и отстранив от работы сорок милиционеров, следствие все пыталось выяснить, как машины с террористами проехали в город. Стены школы №1 исписаны криком: «Менты – суки!».

Тогдашний министр внутренних дел республики Казбек Дзантиев подал в отставку. Руководители Правобережного РОВД, базирующегося в Беслане, были уволены сразу, а прокурор района Аслан Батагов, через три недели после 1 сен-

тября так и не нашедший свою дочь, ушедшую на линейку, в те дни говорил, что не может спокойно говорить о случившемся, поэтому интервью не дает.

Остается выслушивать уцелевших свидетелей.

Начальная военная подготовка

Шестнадцатилетний (на момент захвата) Костя Марусич серьезен и внимателен, как разведчик. Отец у него русский, мать осетинка, оба языка Костя знает хорошо. Террористы, которых он видел близко, говорили между собой или по-русски, или на незнакомом Косте языке.

Он был в здании, когда начался захват, и не смог уйти, натолкнувшись на вторую цепь. Сколько было боевиков (штаб отрапортовал, что тридцать два)? В спортзале все время дежурили как минимум семеро, которым надо было меняться; все школьные помещения были перекрыты... Получается, что не меньше пятидесяти, что совпадает с количеством единиц оружия, о котором сказал тогдашний замгенпрокурора Владимир Колесников: 37 автоматов, 7 пулеметов, пистолеты, гранатометы; говорят, был даже огнемет «Шмель».

В спортзале Костя слышал разговор боевиков о том, что нужно вскрыть полы. Он показывает: вот здесь, на первом этаже, недалеко от входа, в библиотеке прорублены дыры в полу, отодвинуты слуги. Уходившие в библиотеку вернулись в спортзал с пластиковым мешком патронов.

Версия о том, что террористы заранее, под видом ремонтников, заложили в школе свои припасы, официально опровергнута. Вскрытие полов в библиотеке эксперты объясняют тем, что террористы хотели посмотреть, возможна ли атака из-под земли. Но очевидная тщательность предварительной разведки делала эту операцию бессмысленной. Может, они боялись, что снизу пустят газ? Но в спортзале первым делом были выбиты все окна, чтобы исключить газовую атаку, при том что сам выбор объекта захвата и огромное количество детей-заложников ее исключал. На всякий случай боевики взяли и противогазы.

Местные жители грешат на погибшую школьную заведующую хозяйством, которая наполовину ингушка, и рассуждают о деньгах, полученных директором школы на ремонт, произведенный ингушской бригадой. Начальник управления образования Зарема Бургалова в том сентябре сказала мне, что отпустила на ремонт около сорока четырех тысяч безналичных рублей, но они не успели дойти до адресата – ремонт в долг делала муниципальная бригада.

Костя упрямо показывает на деревья у входа: а зачем надо было во время ремонта спиливать стволы и ветки? Чтобы не мешали обзору? Боевики видели любое движение вокруг – они располагали системой наблюдения. Несколько видеокамер, установленных внутри и снаружи здания, передавали сигналы на монитор, в который террористы перемонтировали школьный телевизор. Были у них и более слож-

ные приборы: как только стемнело, спецслужбы установили свои сенсорные датчики на частном доме рядом со школой, но снайпер боевиков их тут же уничтожил.

Профессионализм и слаженность были во всех действиях боевиков. А противостояли им, если не считать вмешавшихся в последний момент спецназовцев, солдаты-срочники и пузатые милиционеры с пистолетами. Так что помощь местного ополчения, прикрывшего огнем разбегающихся после взрыва заложников, оказалась нелишней, хотя не позволила установить нормальное оцепление. Впрочем, кто может гарантировать, что оно оказалось бы нормальным?

Костя встает в проеме раскуроченных дверей в коридоре первого этажа. Здесь взорвалась шахидка. Что это было – нервный срыв, раздрай в группе террористов или спланированный ход? Есть версия, что убитый милиционером на входе «негр» был руководителем отряда, и после его смерти среди боевиков начались разборки. Но самостоятельность отряда террористов – под большим вопросом, слишком точно все было рассчитано; скорее всего, они имели постоянную дистанционную связь с командованием, находившимся вовне.

Но тогда как объяснить приступы агрессии с расстрелами, которые сменялись относительным спокойствием? Боевики могли и засмеяться, когда малыш подходил с просьбой поиграть автоматом, могли поделиться едой и сводить в туалет, а там разрешить намочить майку, чтобы принести воды

другим малышам... Большинство из них все же напоминали зомби, которые без приказа не сделают ничего. А чередование относительно доброго и запредельно жестокого поведения могло быть вызвано и корректировкой снаружи, зависевшей от реакции российских властей.

На второй этаж уводили роптавших, оттуда слышались выстрелы. Потом вызывали мужчин убирать трупы, но обратно они уже не возвращались – их тоже расстреливали. (В кабинете на втором этаже я через несколько дней вижу батареи под окном в крови, там лежат сигареты – их принесли друзья и родственники погибших, представляя, как перед смертью кто-то из них мечтал о последней затяжке.) Но одному удалось бежать. Он переваливал через подоконник своего умирающего земляка-армянина, тот умолял: «Добей!» – «Как я могу? Ты что?». Один из двоих охранников вышел, оставшийся менял рожок автомата, мужчина перевалил раненого через подоконник и выпрыгнул сам. Охранник начал стрелять вслед, беглец пополз, волоча поврежденную ногу. Милиционеры бросили дымовую шашку, и он дополз. И рассказал, что происходит внутри школы.

Охрана безопасности жизни

Снаружи в это время царил хаос. Штаб, руководимый начальником управления ФСБ по Северной Осетии Андреевым, не добился взаимопонимания с руководством респуб-

лики и местными властями. Как, например, можно было организовать тройное кольцо оцепления, занизив число заложников? В цепи рядом с соборцами и омовцами встали местные жители с белыми повязками, вооруженные винтовками, и приехавшие из Южной Осетии автоматчики и пулеметчики.

Московское начальство велело поменьше упоминать о требованиях террористов. А они, кроме вывода войск из Чечни и освобождения своих соратников по бандитскому налету на Ингушетию в июне, потребовали доставить в школу тогдашних президентов Северной Осетии и Ингушетии Дзасохова и Зязикова, советника Президента России Аслаханова и детского доктора Рошалья, причем всех четверых. Было ясно, что их приглашают на казнь: Рошаль – «кровник» террористов по «Норд-Осту», Зязиков – основной адресат их атак в Ингушетии, Аслаханов – враг боевиков и соперник Кадыровцев.

Требование о выводе войск в любом случае мгновенно выполнить нельзя. Выходит, разработчикам операции нужен был громкий теракт, и, скорее всего, заложники были заранее обречены, что бы ни происходило снаружи. Но сначала боевики проявили колебания – допустили в школу Руслана Аушева, бывшего президента Ингушетии, создавшего в свое время благоприятный климат для тылов Масхадова. Аушев попросил отпустить детей своего знакомого турецкого бизнесмена. Вместе с ними террористы неожиданно отпустили

матерей с грудными детьми – 26 человек. На этом фоне бездействие Дзасохова особенно раздражало бесланцев и всю Осетию. А президент республики объяснял землякам, что в школу его не пускает Москва.

Аушев с разрешения Москвы обратился к заграничному эмиссару ичкерийцев Ахмеду Закаеву, чтобы тот связался с Асланом Масхадовым (на тот момент – главным сепаратистом) и попросил его выступить посредником. Масхадов обещал перезвонить, но не перезвонил. Возможно, он вел переговоры с Басаевым, организовавшим захват. А после объявил, что организаторов теракта надо бы судить, но военная обстановка не позволяет этого.

Второго сентября Рошаль сказал, что дети без пищи и еды смогут протянуть до вечера третьего или утра четвертого, а потом начнут умирать. (Многие из спасшихся действительно были обезвожены и серыми лицами напоминали узников Бухенвальда.) Надежда на успех переговоров затеплилась, когда террористы согласились подпустить к школе двух сотрудников МЧС, чтобы те вынесли трупы. Почему-то пошли не санитары, а два высоких чина – эксперты говорят, хотели разведать возможность штурма. И в это время – в 13.05 третьего сентября – грянул взрыв в спортзале, а через несколько секунд – другой.

Есть три версии первого взрыва. Первая: он был самопроизвольный – что-то разладилось у боевиков. По телевидению говорили о скотче, на котором висели мины, якобы одна

отклеилась, упала и взорвалась, – на самом деле взрывные устройства висели на металлических (я их видел) крюках, а часа за два до взрыва некоторые из них закрепили заново, прибавив к стенам. Вторая версия: то ли разборка среди боевиков, то ли попытка перекоммутировать устройства привела к взрыву. На эту версию работает факт, что самый большой заряд не сработал, иначе погибли бы все. Но никакой разборки никто не видел, а переустанавливали мины, как уже сказано, раньше. По третьей версии, снайпер снаружи попал в террориста, который стоял на мине-«лягушке», тот упал – и освободил взрыватель.

Из окон стали выпрыгивать дети и взрослые, «оцепление» ринулось спасать своих, по бегущим застрочили пулеметчики из бойниц школы, а по ним – ополченцы и соборвцы. Костя Марусич говорит, что, выскочив из спортзала, увидел над школой звено вертолетов. Значит, готовились к штурму, вертолеты же не могли мгновенно долететь с базы? По школе начал стрелять один из танков 58-й армии, стоявший за железной дорогой, – до сих пор не могут найти того, кто отдал приказ.

Спецназ возле школы не было, хотя, если брались вступать в контакт с террористами, могли соломки подстелить... Спецназ ФСБ (группы «Альфа» и «Вымпел») в те минуты проводил учения в соседнем поселке, а несколько бойцов из его состава охраняли штаб в паре кварталов от школы, но сразу побежать к ней не могли – не было приказа. (Подо-

шли позже, спасли меньше, чем могли бы, и погибло здесь бойцов «Альфы» и «Вымпела» куда больше, чем в других операциях, – они натренированы для скоротечного боя, когда нужно за секунды, ворвавшись, обезвредить противника, а воевали несколько часов. Благодарные бесланцы переслали семьям погибших бойцов часть денег из стекавшейся со всего мира помощи.)

От взрыва загорелась крыша и стала огненным обвалом падать на раненых в зале. Вызвали пожарную машину – она приехала без воды. Во второй машине воды хватило на несколько минут. Машин «скорой помощи» было мало. Так проявилась закономерность, о которой в Беслане вспомнила Людмила Алексеева, руководитель Московской хельсинкской группы: «Ложь всегда приводит к хаосу».

Кто бы и с какими подлинными целями ни совершил захват, заложники стали разменной монетой в руках противостоящих сил, схлестнувшихся в Чечне. Поэтому давайте еще раз, помедленнее, прокрутим эту пленку.

Захватчики выкинули во двор школы кассету с требованиями, сам факт не удалось утаить от внимания СМИ, поэтому было объявлено, что кассета пустая. Хотя вскоре стало известно о содержании этих требований, которые явно не могли стать предметом переговоров Кремля и Масхадова. Но ведь контакты с Масхадовым через Закаева зачем-то продолжались?

На второй день захвата в аэропорт прилетели Нургалиев

и Патрушев. Министр внутренних дел и тогдашний директор ФСБ быстро поняли, что намечается тупик: при таком количестве заложников штурм с минимумом жертв невозможен, а переговоры бесперспективны ввиду жесткой позиции Москвы – и, не показываясь во Владикавказе и в бесланском штабе, улетели обратно. С тех, кто их видел в тот день на осетинской земле, была взята подписка о неразглашении, поэтому официально их там не было.

А в штабе царила анархия, о чем свидетельствует журналист Эльбрус Тедтов, неоднократно заходивший туда. Официально штабом руководил начальник республиканского УФСБ Валерий Андреев, времени которого хватало лишь на длинные интервью. А на самом деле там сидели два руководителя «Альфы»: один бывший – генерал Проничев, другой действующий – генерал Анисимов. Естественно, у каждого был свой взгляд на стратегию и тактику, поэтому реальных действий не предпринималось.

Кроме этих руководителей был еще и генерал Соколов – командующий 58-й армией, были, наконец, осетинские руководители – президент Дзасохов и тогдашний парламентский спикер, а ныне президент Мамсуров.

Очевидцы говорят, что генералы замолкали, когда входил Дзасохов. Один из обратившихся к нему в те дни вспоминает ответ Александра Сергеевича: «Что ты от меня хочешь, я уже политический труп!». Такая реакция была, очевидно, вызвана очередным падением его рейтинга в дни трагедии.

Мамсуров чаще бывал не в штабе, а у школы – лишь на второй день посторонним стало известно, что и его дети – а он, даже сменив на посту президента Дзасохова, жил в Беслане – попали в заложники.

К Дзасохову после этих событий относятся хуже, чем к Мамсурову, считают немужским его поведение, думая, что он мог войти в историю народа: в свои семьдесят лет рискнуть и пойти на переговоры с террористами. Передают его слова: якобы Путин приказал в него стрелять, если он пойдет в школу. Но идти и не требовалось – действовала телефонная связь. Потерпевшие Тебиев и Тедтов, которые вели собственное расследование, считают, что Дзасохов был близок к свиданию с Масхадовым.

А Тедтов добавляет: «Почему мой сын, тело которого я сам нашел в спортзале, обгорел со всех сторон? Сто процентов ожога не бывает без применения химических огнеметов, это я вам как бывший танкист говорю. А огнеметы могли ударить только снаружи, значит, дети сгорели от российского оружия». Подошвы кроссовок еще долго были в пепле спортзала. В школе погибло более трехсот человек – один процент населения города. А над городом даже через неделю после штурма висел запах жареного мяса...

Так или иначе, переговоры не начинались, а после визита Аушева, которому бандиты разрешили вывести группу заложников, стало ясно, что больше никто из руководителей с захватчиками разговаривать не будет. Поэтому бан-

диты стали больше издеваться над заложниками. Но ведь и к штурму никто не готовился – по крайней мере, в штабе. Даже не был вызван из отпуска заместитель Андреева, курирующий Беслан, а самому ему как-то не захотелось приближаться к школе.

«Альфа», почему-то переброшенная из Москвы, хотя гораздо ближе ее подразделения в Пятигорске и Краснодаре, занималась тренировками в соседнем с Бесланом Фарне, и до их окончания было далеко. Тем более что из Москвы вместе с оперативниками в этот раз не вылетели сотрудники рабочего аппарата, обеспечивающие точность мгновенной атаки, которые в таких операциях являются глазами и ушами бойцов. Их не пустило начальство. Уже потом, вернувшись и хороня товарищей в Москве, бойцы «Альфы» спрашивали у своих «глаз и ушей»: «Что ж вы?..» – и те почти полным составом написали рапорты об увольнении.

Привычка Кремля долго думать и сильно опаздывать с решениями – президент (тогда) Путин по привычке крепко опоздал и на панихиду – стоила жизни многим альфовцам и не только. Подлинные намерения террористов и обстановку в школе силовики пытались определить лишь по перехватам телефонных разговоров. Поэтому же ставить «прослушку» внутри школы пошли два офицера МЧС, договорившись было с террористами об уборке трупов. Но те что-то сообразили и застрелили офицеров. Минут через сорок после этого случился первый взрыв...

Не было нормального оцепления – были упущены, утверждают свидетели, около двадцати террористов. Костя Марусич, которого водили на опознание убитых боевиков, не увидел среди них того, кто вел переговоры со штабом по телефону, причем без акцента, свойственного жителям Кавказа. Все трупы были бородатые, а среди захватчиков было много бритых. А вот предьявленного общественности Кулаева, взятого живым и потом торжественно осужденного, в школе не запомнили. Может, конечно, его поймали снаружи, и был он одним из корректировщиков, – но тогда почему такой чистый, небитый? К тому же в первый день телевидение показало, пусть в маске, но явно другого пленного... И где шахидка, которую взяли в городе, – работник штаба даже слышал взрыв пояса, снятого с нее? Гаишники рассказали мне, что в Ардоне взяли троих закопченных неизвестных, которые заблудились на угнанной машине. Все это совпадает с косвенными сведениями, что в плен были взяты шестеро террористов, а двенадцать ушли.

Физкультура

Та же правозащитница Людмила Алексеева, встреченная мной тогда в Беслане, подтвердила наблюдение: в системе принятия и проведения решений были серьезные огрехи, а личное поведение как простых людей, так и многих руководителей было безупречным. Таймураз Мамсуров занимал-

ся спасенными, когда двое его детей еще не были найдены, и потом, когда его дочь лежала в Москве после тяжелейших операций, а раненый сын – в Беслане. У главы администрации района Владимира Ходова погиб внук, дед с горской гордостью показывает: пуля вошла вот здесь, в грудь, мальчик встретил смерть лицом к лицу.

СМИ рассказали о подвигах спецназовцев, бросавшихся на гранаты, спасая детей. Но они – сознательные профессионалы, они знали, куда идут служить... Учительница начальных классов Эмма Каряева была ранена при первом взрыве. Истекая кровью, она выбрасывала своих третьеклашек за окно, к ней жалась маленькая дочка... Они погибли вместе, Эмма Каряева спасла двенадцать человек.

Об учителе физкультуры Иване Каниди, повторившем подвиг гуманиста Януша Корчака, СМИ тоже рассказывали. Вот отрывки из стихотворения, которое местный поэт Феликс Цаликов опубликовал в бесланской газете накануне столетнего юбилея школы №1, за шесть лет до трагедии:

Бог

Ивану Каниди

...Словно в храм, я входил благовейно в спортзал
И на миг, замерев у порога,

Я – счастливейший самый – в тот мир попадал,
Где, казалось, владения Бога.
...Ну, а Бог наш спешил к нам на помощь всегда,
Если мы не в ладах были с волей,
И учил нас великой молитве труда
Через пот, через слезы и боли.

Не будем судить эти наивные стихи, не до этого. Они до-
бавляют штрихи к портрету этого незаурядного человека –
и спасибо на том.

Иван Константинович Каниди родился 31 января 1930 го-
да в селе Малая Ирага Тетрицкарройского района Грузии.
Отец его работал председателем колхоза, а 1938 году был
расстрелян за то, что односельчанин, добравшийся ходоком
до Молотова, рассказал ему об этой встрече.

В Осетию Иван приехал уже после войны, поступил
в Орджоникидзевский пединститут. Играл в футбол, при-
чем настолько хорошо, что его кандидатура рассматривалась
в дубль тбилисского «Динамо». На поле был, по знаковому
совпадению, защитником, а на восьмом десятке лет сохр-
нил форму и объем ножных мышц, как у тех футболистов,
которых мы видим на телеэкране. Еще он занимался лег-
кой атлетикой и боксом, участвовал в велогонке Калинин-
град – Москва, пришел восемнадцатым. Был, сами понимае-
те, кумиром многих поколений мальчишек. Вел секцию бас-
кетбола до последних дней, инвентарь закупал сам, деньги
ему на это давали бывшие ученики. Так в шкафу и остались

пятьдесят комплектов формы, которые тем летом Иван Константинович привез своим баскетболистам из Краснодарского края, куда ездил отдыхать с семьей сына.

Летом у него было два приступа стенокардии, и дети (родные) хотели, чтобы он остался на отдыхе еще пару недель золотой осени, но пришлось ехать к 1 сентября: «Я должен выстроить школу на линейку!». О пенсии в свои семьдесят четыре года и слышать не хотел. Имевший до последнего лета давление 120 на 80, лихо делавший стойку на голове и выпивавший перед обедом по стакану собственного вина, он говорил: «Вот на будущий год Янис пойдет в школу, отучу его один класс – можно будет и на покой». (Иван Константинович-младший в школу пошел без деда.)

В спортзале Каниди выделялся среди заложников, его хотели отпустить, сказали: «Дед, можешь идти!». Он остался и почти все время простоял у шведской стенки, хотя 1 сентября перенес еще один сердечный приступ. Он массировал детям затекшие ноги, все время лекторским тоном убеждая боевиков в их неправоте. Другой резонер, его друг, учитель труда Александр Михайлов, тоже пытался воспитывать террористов. Тон не понравился – застрелили сразу.

После взрывов уцелела мина рядом со шведской стенкой. Иван Константинович лег на нее, загородил от детей и спросил у Казика Минтиева: «Какой проводок выдергивать? – Любой...». Дернул наугад – не взорвалась, тогда он поднял ее и выкинул за окно. И направил уцелевших детей в малень-

кий спортзал, в дверь под баскетбольным кольцом. Этот зал он сам оборудовал «качалками», туда приходили по вечерам не только ученики. Говорят, заходил и разведчик террористов...

Дети пошли с Минтиевым, а Каниди обернулся – боевик направил автомат: «Ты этого хотел – получи!». Каниди крикнул детям: «Бегите, бегите, не оглядывайтесь!» – и схватился за дуло. Если бы не три дня жажды и голода, он бы свалил боевика запросто, а тут поехала нога. Но автомат отвел. Боевик, очевидно, выхватил пистолет: в груди Каниди было три пулевых отверстия, одно – в голове. Контрольный выстрел.

Похоронили Ивана Константиновича не на новом кладбище, вместе со всеми жертвами теракта, а на старом, где могила жены и заранее приготовленный им себе памятник. Мраморный, с открытой датой. Чего удивляться – он был мастер на все руки, одно скудное время подрабатывал мраморщиком в Грозном...

Политическая этнография

На втором этаже школы в кабинете географии, рядом с кабинетом, где расстреливали мужчин, сопровождавший нас Артур спрашивает: «Чувствуете, какой запах?» – «Какой?» – «Это кровь».

Кровью пахнет вся кавказская география. Когда родные заложников поняли, что не вернулось из школы больше лю-

дей, чем найдено трупов, первым делом они принялись искать своих близких в Ингушетии. Зря искали, скорее всего, оставшихся фрагментов тел, переданных в печально известную ростовскую лабораторию, хватит на всех пропавших.

Тут важно и страшно направление первого импульса. Как и злые усмешки при телевизионном рассказе о десяти арабах-террористах. Как и разговоры о том, что ополченцы пойдут мстить «ваххабитам».

Беслан, кроме того, что это столица знаменитых осетинских водок, – самый крупный гражданский и военный аэродром на Северном Кавказе. Если туда опять прилетит важная комиссия из Москвы, перед посадкой ей стоит посмотреть в иллюминаторы правого борта – она увидит новое кладбище, где еще нет высоких деревьев – только ровные ряды одинаковых могил. Здесь похоронены жертвы этого теракта. А с холмов вокруг аэропорта видны три деревни. Это уже Ингушетия.

Я видел под Назранью мемориал жертвам геноцида ингушского народа. Экспозиция в нем поделена поровну: стены, рассказывающие о сталинской депортации 1944 года, и стены, рассказывающие об осетино-ингушском конфликте 1992 года. В Беслане никто не жалел ни о первом событии, ни о втором. Хотя понимали, что геноцид был, но считали его возможной мерой. Никого не волновали мои рассказы о страшном погроме в Назрани 22 июня 2004 года, когда вместе с милиционерами погибло и 20 мирных жите-

лей. Беслан затмил и взрывы самолетов, и шахидку на «Рижской». Он запугивал власть не только ощущением достижимости любого объекта, но и доисторической, нечеловеческой жестокостью, способной вызвать лавину неконтролируемого террора, кровной мести, национального безумия.

А зачем власть пришла с оружием на Кавказ, влезла с тупой прапорщицкой самоуверенностью в старые разборки? И осетины, и ингуши, и их соседи считают себя потомками древних аланов, они веками гоняли друг друга по «кавказскому меловому кругу». У них у всех – христиан, язычников и атеистов – одинаковые имена. Потом жизнь в большой империи равняла всех одинаковым гнетом, потом появилась возможность под идеологическими лозунгами поживиться землей соседа – и начали кроить границы. Непонятно, почему в составе Грузии оказалась Южная Осетия, а ингушей слили с их недругами-чеченцами, почему всех расселили именно так. Лучше не стало, разбои и набеги продолжаются, но теперь виновата уже Москва – все стороны убеждены в ее корыстных умыслах.

Боевики готовились к операции в приграничном лесу, который не контролировался ни осетинской, ни ингушской милицией. В банде были и чеченцы, и ингуши, и осетины, и русские. Отряд проехал к Беслану по дороге, которую используют бензовозы с ворованным горючим, где есть твердая такса за проезд любой машины без досмотра. Им помогло обычное воровство, обычная вненациональная коррупция.

Им помогает и само безынициативное устройство наших властных структур, когда псевдокрепкая «вертикаль» способна проводить решения только одного человека, да и то с задержками и искажениями. Не пустили Александра Дзасохова к переговорам – он по цековско-дипломатической привычке согласовывал каждый шаг с растерявшейся Москвой – и на передний план выдвинулся Эдуард Кокойты. Президент самопровозглашенной республики Южная Осетия привел своих бойцов в Беслан и выносил детей под огнем, крича своим охранникам: «Что вы вокруг меня бегаєте, хватайте детей!». Его рейтинг среди осетин стремительно вырос – и шансов на урегулирование осетино-грузинского конфликта стало еще меньше. А это, в свою очередь, привело к российско-грузинскому конфликту четыре года спустя. И к падению очередных иллюзий на Западе относительно России...

Технология террора

Никаких переговоров с террористами – звучит правильно и решительно. Но как выделить именно террористов из общего хора недовольных имперской политикой? И что делать с теми, с кем бессмысленно разговаривать? Как их «мочить в сортире»? Оружие на Кавказе есть у всех, и не по одному стволу. Регулярно проходящие операции по его изъятию не дают результата и сами стали источником казнокрадства.

Например, по отчетам, в одном году в Северной Осетии добровольно сдано оружия на 23 миллиона рублей. Но никаких следов положенных выплат не обнаружено.

До сих пор говорят о бандах, о полевых командирах. И параллельно – о мирных жителях и раскаявшихся, вернувшихся с гор домой боевиках. В открытую сопрягают эти понятия только солдаты, осознающие, что мирный житель днем – это возможный боевик ночью. Солдатам не легче от того, что дело не в разбойничьем менталитете подлого противника, а в том, что не уехавших из Чечни мужчин жизнь заставляет не работать, а воевать.

Происходит это примерно так. Поступает заказ на акцию. Под нее собираются несколько профессионалов, до того, возможно, и не знакомых. Решают, сколько им нужно рядовых исполнителей, сколько им стоит выделить денег из поступившей суммы, а сколько – оставить себе. Жизнь и смерть на Кавказе дешевы, так что суммы, которые Басаев называл в Интернете, похваляясь эффективностью акции, вполне вероятны. Потом устанавливают связь с теми, кто живет в месте проведения акции, организуют разведку. Репетируют. Воюют или взрывают. И разбегаются.

Отдельно нужно обговорить понятие «заказ» – попытаться представить, от кого он может поступить. Хотя действие этого «заказа» не меняется в зависимости от лица, его выдающего. Скорее всего, при единой схеме исполнения за разными акциями могут стоять разные заинтересованные ли-

ца. Силовики и кавказские наместники вроде бывшего президента Ингушетии Зязикова любят говорить об иностранных заказчиках, намекая не столько на арабских исламистов (те, мол, лишь исполнители), сколько на страны НАТО или на Грузию как их «служанку». Мол, идет битва за трассы нефтепроводов и газопроводов.

Это вызывает сомнение: слишком много у западных стран сейчас хлопот с мусульманским экстремизмом (в Ираке и Афганистане, например), чтобы подносить спички к кавказскому пороховому погребу. Если они хотят установить контроль над потоком углеводородного сырья, это тем более опасно: вырастят новую «Аль-Каиду» – она и схватится за трубу. Достаточно возможных смутьянов-организаторов и без дальнего Запада, скажем, в близкой Турции... Правозащитники считают, что террор на Кавказе провоцирует само российское государство – не намеренно, а в силу тупости политики. Но возможно еще одно соображение.

В сером теневом мире, где осведомители спецслужб устраивают теракты против представителей своих организаций, а подпольные враги государственного единства устраивают внутренние разборки и «сдают» конкурентов силовикам, мало что изменилось со времен Азефа и Гапонна. Об этом напоминает темная история предвыборного 1999 года – не только взрывы домов, но и закулисное науськивание Басаева на поход в Дагестан.

В бесланской истории, как мы видим, есть непонятные

шаги властей: хаос штабов, двойное отношение к переговорам с Масхадовым, отказ от наработанных силовых схем и опытных профессионалов. Было и прямое поощрение террористов: отмена чрезвычайного режима, пропуск машины (или машин) с нападавшими, неясность с их числом, позволяющая умалчивать об уходе возможных участников налета. А среди них мог быть как раз тот, кто служил «диспетчером» поступившего заказа...

Как видим, децентрализованный, сетевой способ действий не исключает ни стратегического планирования, ни обучения тактике. Террористическая сеть усвоила уроки «Норд-Оста» и послала в Беслан зомби с противогАЗами, построила августовско-сентябрьскую атаку 2004 года (как и потом, в следующие годы) по нарастающей (взрыв самолета, взрыв на «Рижской», Беслан), чтобы пиаровский эффект рос от одной акции к другой. Этой сети не нужна огромная армия и увеличенный за год на треть военный бюджет, ее призывников поставляет ее противник. Она способна легко менять цели и средства, не дожидаясь разработки курса в военной академии.

Вот и звучат взрывы в Чечне и Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии, в Ставрополе и Москве. И страшно подумать, что может быть следующим узелком этой сети!

Информатика

А Беслан продолжает жить. Виссарион Асеев, еще пару месяцев до захвата занимавшийся созданием ячейки «Союза правых сил» и даже вместе с мальчишками установивший два баскетбольных щита с названием партии, приютил в своем компьютерном клубе учительский комитет. Уцелевшие дети играли в его клубе бесплатно. Сделали сайт www.beslan.ru и переписывались со всем миром, организуя помощь пострадавшим. Как только приходили деньги, развозили их по квартирам на старенькой «Волге». Деньги нужны будут долго, ведь многим ребятишкам придется каждые полгода делать новые протезы. Никто из «Союза правых сил» не связался с Асеевым и не спросил, чем помочь. Может, поэтому партия так бесславно загнулась, не найдя ни опоры в народе, ни четкости в организации?

Пару дней назад, почти шесть лет спустя после трагедии, я обсуждал с аналитиком из спецслужб (отставник, но ведь бывших, как сказал бывший чекист Путин, в этой службе не бывает) уроки бесланской школы. Я не стал говорить ему о моральном падении власти, которая с тех пор никак не улучшила свой имидж. А он не стал говорить мне о технологических приемах, которые с тех пор поменяли спецслужбы. Он сказал неожиданно просто то, о чем должен был бы подумать я, – о механизме взаимодействии государ-

ства и общества при лечении общих болезней: «Если бы тогдашняя знаменитая комиссия Совета Федерации провела полноценное расследование, не стала бы дезавуировать самостоятельное мнение некоторых своих членов об ошибках представителей власти, а поддержала бы его авторитетом доказательств – кстати, поначалу в комиссию верили и несли туда, на разбор, малейшие детали произошедшего... Если бы комиссия, куда вошли представители гражданского общества, была способной отстаивать до конца свое мнение, а не микшировать его по аппаратным правилам... Если бы глава комиссии сенатор Александр Торшин оказался более храбрым человеком... Если бы комиссия разобралась в причинах недостоверности информации о численности нападавших, убитых и убежавших боевиков и его причинах, дала оценку штабу... Из бесланской истории можно было выйти с меньшими потерями для государства. Не висели бы преступные ошибки и вранье на всей власти в целом, можно было бы, повинившись и очистившись, показать и жертвам, и преступникам, что вот так мы больше поступать не будем, а будем поступать иначе. И тем самым стать сильнее. А так... Понимаешь, получается, мы все в борьбе с бандитами опустились до бандитских понятий».

Понимаю...

Виагра власти

Напрасно я весь рейс от нечего делать напрягал воображение, строил сложные варианты опознания встречающего. Не такой уж минераловодский аэропорт большой и не такой уж в ноябре переполненный, чтобы издалека не угадать чиновника. В шляпе. Как у Этуша в «Кавказской пленнице», при костюме с галстуком. Ну почему они ее носят колом на голове? Хоть кол на голове теши, как говаривали учительницы наших времен.

Пресс-службист сел на переднее сиденье, шляпу снял и устроил на колени. Где они только их берут, с хрущевских времен? По наследству передают? Обернулся ко мне и спросил:

– Неоднозначно у вас получилось из Беслана в последнем номере. За это ничего не было?

– Однозначно в таких делах и не бывает, только у Жирика. Чтобы твердо раздать всем сестрам по серьгам, времени не хватило – нам надо было срочно отписываться. Но по-моему и так очевидно... А нам-то что могло быть?

– Ну... Если кому не понравилось...

Из-под шляпы, из портфельчика достал несколько листов и с гордой улыбкой протянул мне, назад. Моя скромная биография, пара-тройка отзывов на статьи, список обиженных, судебные истории.

– И зачем это вам?

– Мы тут, пусть и далеко от столиц, не зря зарплату получаем, интернет освоили. Мы должны знать, с кем имеем дело, вы же хотите сделать интервью с нашим президентом.

Хм, я о Батдыеве меньше знаю, чем они обо мне накопили. Зачем мне его история, главное – что он сейчас делает, почему им народ недоволен, пришлось полпреду Козаку вмешиваться, на это меня и в редакции нацелили. Ну, поставили его как альтернативу кандидатуре, которую двигал Береза, а тому березовскому Станиславу Дереву (интересное созвучие фамилий!) взамен дали место в Думе. Впрочем, и занявший пост – не из советских номенклатурных остатков, экономист-финансист с московскими бизнес-связями... Ладно, остальное посмотрим, когда приедем.

– Сколько еще до Черкесска?

– Всего километров двести пятьдесят, по пути перекусим, если вы не против.

Не против! Иногда здешние подорожные рестораны напоминают постоянные дворы. Или казачьи курени. С бревенчатыми глухими заборами, совсем не собирающиеся приветливым видом зазывать посетителей. Впрочем, может, в этих местах соблазнительнее хорошо закрытые от посторонних глаз заведения, которые при случае проще оборонять? А вкусно в этой крепости, даже есть такой закуток для своих, как раньше в районных столовках райкомовские комнаты...

Какой-то тревожный звонок, судя по виду моего сопровождающего, хорошо, что доели. Что случилось?

– Толпа ворвалась в правительственное здание, ищут президента, пока не нашли...

Та-ак... История начинает играть красками.

– Поехали быстрее!

Первый день в кабинете президента

Остановились, не доезжая площади, вожатый тут же исчез. И я побежал к внушительному зданию, возле которого не было видно какого-то особого скопления народа. Людей в форме нет, об охране напоминают сдвинутые в беспорядке переносные металлические ограждения, на газоне вороха бумаг, валяются несколько крупных электронно-лучевых мониторов. О! Кто-то из окна третьего этажа скидывает тяжелое приземистое кресло. Значит, мне туда.

По пути к резиденции Мустафы Батдыева я увидел на стенах и лестницах кровавые отпечатки рук. Двумя встречными потоками идут какие-то удовлетворенные содеянным люди, успокаиваясь, переговариваются. А в президентских апартаментах не протолкнуться. Удивительно, что заправляют здесь женщины, как-то не по-кавказски. Дело не в том, что их большинство, а в том, что мужчины к ним подходят с подчиненным видом, обговаривают дальнейшее и уходят исполнять. Точнее, подходят к одной, которая сидит сбоку стола

для переговоров, кутаясь в шаль, а остальные, возбужденно выговариваясь, служат эмоциональными резонаторами, ретрансляторами общего настроения.

Объясняю сидящей за столом, откуда я взялся. Фатима Богатырева, сестра исчезнувшего Расула Богатырева. А остальные женщины – родственницы других шестерых, исчезнувших вместе с ним около месяца назад. Официальный розыск почти ничего не дал, тогда родные (скорее, целый клан) приняли свои меры и выяснили, что в последний раз Расула Богатырева и его сопровождающих видели на стоянке у дома Алия Каитова, президентского зятя, куда они подъехали выяснять отношения по поводу одного предприятия. На которое у Расула и еще более молодого предпринимателя Алия Каитова были разные взгляды. На стоянке нашли следы пуль и другие свидетельства возможного столкновения.

– Ну и чего вы хотите добиться в этом кабинете?

– Сначала мы просто хотели узнать о наших родных. Потом, когда выяснились первые подробности о стоянке у дома Каитова, стали требовать непредвзятого расследования. Нам заговаривали зубы, – Фатима даже улыбается, но невесело, только фразе. – Президент обещал встретиться, но времени все не находил. И так продолжалось месяц! Мы вышли на площадь – сотни, тысячи людей, не только наши родственники. Батдыев обещал и им – выйти и поговорить. Нам нужно было его слово – как гарантия справедливости. Он к нам не вышел – мы пришли к нему. Уже во второй раз. А он убе-

жал.

– Что теперь? Неужели вы не догадываетесь, что с вашими парнями?

– А где их тела... Простите, я так говорю, потому что сама уже почти совсем не верю, что увижу их живыми. Почти. Есть слухи, мы сейчас их проверяем, вроде бы нашли в Питере тех каитовских парней, которые стреляли в наших, и они сказали, что сбросили останки в старую шахту. Но надо еще доказать, что это именно они.

– Их не вернуть.

– Но можно обеспечить полное расследование и справедливый суд. Президент... Раз он так себя повел с нами, не может этого гарантировать. И теперь мы требуем его отставки. Он нам врал!

– А когда мы собрались на разрешенный митинг, велел своему вице-премьеру отключить микрофоны, – это вмешивается Хасан, мужчина средних лет, связной между площадью и женщинами в кабинете. – Сказали – электричество отрубилось. А окна светились!

– Он знал правду уже месяц, надеялся каким-то способом выгородить Каитова. А кабинет этот, – и Фатима одним кивком обозначила место, – нам нужен, чтобы на ситуацию обратила внимание Москва. Понимаем, что это незаконно, что ж сделаешь... Отсюда мы сами не уйдем, пока не добьемся своего.

– Могут и вышибить.

– Они даже не смогли нас не пустить!

– Ну, это могут быть другие силы, другие люди...

Кабинет приводят в порядок, складывают в коробки государственные бумаги. Говорят, что громилы, ломавшие мебель и бросавшие из окна мониторы, были незнакомыми молодыми людьми. И выпившими – что для мусульманской республики неординарно. Чужие? По чьему заказу? И тут к столу подскочила женщина постарше, с разгоряченным лицом.

– Вот, смотрите! В шкафу мы нашли простыню, а в ящике стола – виагру! Понятно, чем он занимался со своими секретутками! На таком диване!

Ну и что... Кроме аморалки предъявить нечего, что ли? Я не стал объяснять горским женщинам, что в Москве, с нравами которой Батдыев явно знаком, подобное не считается не то, что стыдным – вообще вызывающим осуждение. С позднесоветских времен. Но здесь не Москва, и контраст между неисполнением долга политиком, выбранного своим народом, и исполнением его личных прихотей был налицо...

– Ладно, думаю в ближайшие пару часов вас штурмовать не будут. А я пока пойду поговорю, пощупаю обстановку. К вечеру вернусь, корреспондент вам пригодится в качестве свидетеля.

Первым делом надо позвонить в редакцию, объяснить, что я здесь вижу и что собираюсь делать. Маленькая, но страховка. Конечно, в провинции чтут столичных журналистов,

но на Кавказе после чеченской кампании нас стали по-другому рассматривать. Внимание человека в шляпе может обернуться вниманием человека с пистолетом, не любящего лишних глаз. Да и в Москве... Помню, один вице-премьер, родом, между прочим, из близких ущелий, обещал мне яйца оторвать – за то, что косметическую правку в его интервью не внес. Потому что он сам передал ее уже после подписания номера...

По коридорам правительственного здания нашел депутатов, рядом с ними толковых местных журналистов. Картина примерно такая. Охранники Каитова, обвиняемые в убийстве семерых во главе с депутатом Народного собрания Расулом Богатыревым, объявлены были в розыск. Исполнители убийства найдены, задержаны в Петербурге, по телефону подробно рассказывали следователям, где искать трупы. Нашли расчлененные и полусгоревшие останки.

До этого родственники погибших, стоявшие в бессрочном митинге перед Домом правительства в Черкесске, говорили, что не разойдутся, пока не будут найдены тела, поскольку не могут успокоиться, не похоронив близких. Теперь, казалось бы, их требование могло быть выполнено – оставалось только провести генетическую экспертизу и выдать каждой матери уцелевший фрагмент тела ее сына. Но вместо успокоения произошел очередной взрыв страстей.

Сегодня с утра, пока я летел и ехал, со всей республики начал собираться народ – родственниками у карачаевцев

считаются близкие до седьмого колена. В родстве с погибшими оказались двадцать восемь фамилий, несколько десятков тысяч людей, почти половина всех карачаевцев. На площади собралось тысяч пять, они пересказывали, что некоторые автобусы с их соратниками были задержаны, в некоторых представители властей переписывали пассажиров, хотя митинг был разрешен. Родственники Богатырева прошли по кабинетам здания, в котором уместились и администрация президента, и парламент, и правительство КЧР, – приглашали ответственных людей выступить. Некоторые расписывались на приглашениях. Президент Батдыев не стал.

Обстановка накалялась: никто из приглашенных не вышел к памятнику Ленина, который указывал на вход в Дом правительства, а заодно служил импровизированной трибуной. Возбужденные дорогой с препятствиями, вестями о найденных телах, точнее – о надругательстве над ними, люди ждали несколько часов. Они заполнили площадь и сквер перед местным «Белым домом» – место историческое, помнившее рокот «студебеккеров» в ноябре 1943 года, увозивших от тогдашнего управления НКВД карачаевский народ в депортацию по приказу Сталина.

К родственникам семерых погибших присоединились родные других пропавших без вести – за последние четыре года в Карачаево-Черкесии исчезли около трехсот человек. К митингующим вышел Борис Карнаухов, руководитель следственной группы Генпрокуратуры, к тому време-

ни задержавшей уже пятнадцать человек, причастных к преступлению. Митинг ждал от него подробного рассказа о последних событиях. Но микрофон вдруг отключили. Вокруг шли троллейбусы, горели светофоры, а вице-премьер Руслан Кочкарров объяснял людям, что, как ему сообщили, в городе отключен свет. Сорок минут он пытался связаться с электриками, ничего не получалось. То есть явно кто-то не хотел, чтобы итоги следствия были озвучены.

Близкие родственники ринулись от памятника по направлению ленинской руки – несколько сотен человек. Милиция стала их теснить, начались препирательства, толпа прорвалась сквозь щиты омоновцев в вестибюль. Один из милиционеров выстрелил газовым зарядом, ворвавшиеся начали бить стекла – дышать! Оборонявшиеся врубили шланги, но даже грязная вода не охладила нападавших, в ход пошли камни с одной стороны и дубинки – с другой. Мальчишки подносили «снаряды» из соседних дворов, несколько милиционеров получили ранения, один солдат из внутренних войск – довольно серьезное. Были раненые и среди демонстрантов – в основном порезали руки о стекла. Их-то следы я и видел по стенам.

Уже стемнело, хожу вокруг вновь установленных заграждений, разговариваю с чинами из МВД, ФСБ, прокуратуры, полпредства российского президента на Кавказе. И со старожилками, и с теми, кого недавно, при первых раскатах скандала, перевели из Нижнего Новгорода, чтобы прижать мест-

ную мафию. Штурм пока явно не предвидится, по бульвару вокруг гуляют спокойные горожане, скопления людей в форме не видно. Пока...

Для себя стоит уяснить: была ли разница между Богатыревым и Каитовым, не было ли массовое убийство лишь формой разборки между криминальными кланами? Они же поехали всемером разбираться? Скорее всего, нет. Дело не в том, что Богатырев был белым и пушистым, а в том, что от президентского зятя, уже известного своим крутым нравом и неограниченными (для Черкесска) возможностями, силой вряд ли можно было добиться желаемого. Ну, допустим, они бы разнесли его дом – и что бы они делали в республике его тестя? Тяжба длилась уже давно, завод и обстановка вокруг него – на виду, не так уж много в Карачаево-Черкесии таких предприятий. Надо было как-то договариваться.

Возвращаюсь, легко пускают через барьеры – и в форме люди, и без формы. Очевидно, видят во мне какого-то посредника. В президентском кабинете народу поубавилось. Можно свободно поговорить с Фатимой.

– Скажите, а не мог Каитов бояться, что приехавшие к нему домой его самого застрелят?

– Ну, это же была обговоренная встреча, приехали же не боевики какие. Брат не был криминальным авторитетом, Расул, как и Каитов, был депутатом Народного собрания, был постарше его на семь лет, с ним приехал его двоюрод-

ный брат и друзья, вполне известные люди. А Каитенок жил по беспределу.

Каитенок... В двадцать два года Алий стал гендиректором крупнейшего цементного завода, потому что стал зятем Батдыева. Предыдущего директора, племянника Батдыева, кто-то застрелил. А завод оказался в полном распоряжении клана после приватизации, которую в республике Батдыев, как раз, и проводил, знакомый с московскими приватизаторами с дней учебы. Потом он стал председателем Нацбанка, а уж после этого – и президентом.

Получается, что Мустафе Батдыеву можно предъявить что-то посерьезнее аморалки – и это связано с поведением его молодого и задорного зятя. Точнее, понятно, откуда у того счастливое состояние вседозволенности. Полез в голову старый спор со строчкой Бродского: «...но ворюги мне милей, чем кровопийцы». Без первых нет вторых – и вся история последних лет об этом. Может, и не одобряет Мустафа Батдыев своего психованного зятя, особенно сейчас – сидя где-нибудь в укрытии, но не было бы у Каитенка такой силы, если бы «тихие Альхены» не создавали почву. А во-вторых, и сами ворюги легко звереют, оберегая добычу.

Вот сидят эти семь женщин в чужом кабинете, ночь, кто вырвал их из обычной жизни, кто отнял ее – вместе с близкими им молодыми жизнями? Я тут что – моральная поддержка восставших? Делегат от свободного общества? Свидетель-журналист, который напишет заметку и поедет в сле-

дующую командировку? Сажу тут на приставном стуле у стеночки, а какой от меня толк? Ворвутся люди в форме – будут в своем праве: нарушены писанные законы, здесь даже не придется изощряться с огнеметом, как было два месяца назад в Беслане...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.